

Глеб Иванович Успенский

Опустошители

Бог грехам терпит

Глеб Успенский
Опустошители

«Public Domain»

1882

Успенский Г. И.

Опустошители / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1882 — (Бог грехам терпит)

«...– Ну нет! – оживленно перебил меня Лаптев. – Купец отлично видит и знает, что он-то, обыватель, попал по ошибке, а вот я, так и по его мнению, попал за дело. Свалка-то она точно свалка, если хотите – арлекинада, хоть и необузданно жестокая, грубая, дикая, а в ней, если только поприсмотреться, вникнуть, разобрать, отыщутся совершенно определенные течения враждебности, ненавистничества, и поверьте, что обывательский кулак отлично знает ту шею, которая ему ненавистна. Положим, что, руководствуясь в отыскании этой шеи главным образом чутьем, он по ошибке заденет десятка два соседних и родственных скул и затылков, но уж, будьте уверены, добьется и той скулы, какая ему требуется. Во времена моей юности и я в простоте сердечной полагал, что все это одно только жалкое недоразумение...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Глеб Иванович Успенский

Опустошители

Я подошел к молодому человеку, стоявшему на берегу, и он с улыбкой рассказал мне, что именно он-то и есть тот самый Лаптев, который по ошибке попал в историю купца и был принят, также по ошибке, за аптекаря. Он подробно рассказал мне как об этой путанице, так и о своем деле, которое привело его в ту же самую канцелярию, куда попал и купец. Разговаривая таким образом, мы долго гуляли по берегу, а когда стемнело, возвратились на пароход. В буфете продолжались разговоры, слышался хохот, а нам хотелось отдохнуть. Парень-убивец, проникнув в глубину наших желаний, моментально устроил нас в дамской каюте, где никого не было. Он принес нам сюда чаю, две подушки и перетащил на своих плечах все наши вещи, оставшиеся в буфете. Мы стали пить чай и разговаривать¹.

– Все-таки, – сказал я, припоминая недавний рассказ Лаптева о его деле, – я не понимаю, зачем вы ушли из каюты. Пускай бы купец узнал вас – что за беда?

Слегка улыбаясь, Лаптев молча мешал ложкой в стакане чая и о чем-то думал.

– Знаете, – начал он, медленно отделяя слова, – беды действительно нет, все вздор... Но если б он меня узнал, он бы поглядел на меня... Вот этого взгляда-то я и не могу переносить, то есть еще не могу, а со временем, быть может, привыкну, то есть позабуду впечатление этого взгляда. А теперь он просто дерет меня по коже... Как только поглядит на меня *этак* какой-нибудь обыватель, так у меня просто жжет всю кожу, точно когтями кто царапает.

Я не понимал, о каком-таком необыкновенном взгляде говорил мне Лаптев, и молчал.

– Лет пятнадцать кряду, – продолжал мой собеседник, – мне пришлось играть роль того кирпича, который швыряют из рук в руки... Попадешь в одни, швыряют дальше, в другие, а едва попал в эти другие, немедленно бросают в третьи и так далее. Летишь в неведомую даль... И хотя пребывание мое в этих бесчисленных руках было непродолжительно, но я всегда встречал этот... терзающий взгляд, враждебный испуг и если не готовность на жестокость, то во всяком случае непременно мысль о ней. Вот и купец, если б он узнал меня, непременно бы глядел на меня *таким* взглядом... А я, ей-богу, пока не в состоянии...

– Но ведь и сам купец тоже испытал кое-что, – сказал я. – Припомните, в какую безобразную свалку попал он... Я думаю, напротив, он понял бы и ваше положение... Ведь и он и вы очутились в одной и той же канцелярии...

– Ну нет! – оживленно перебил меня Лаптев. – Купец отлично видит и знает, что он-то, обыватель, попал по ошибке, а вот я, так и по его мнению, попал *за дело*. Свалка-то она точно свалка, если хотите – арлекинада, хоть и необузданно жестокая, грубая, дикая, а в ней, если только поприсмотреться, вникнуть, разобрать, отыщутся совершенно определенные течения враждебности, ненавистничества, и поверьте, что обывательский кулак отлично знает ту шею, которая ему ненавистна. Положим, что, руководствуясь в отыскании этой шеи главным образом чутьем, он по ошибке заденет десятка два соседних и родственных скул и затылков, но уж, будьте уверены, добьется и той скулы, какая ему требуется. Во времена моей юности и я в про-

---

¹ Мы стали пить чай и разговаривать. – После этого в черновой рукописи следовала характеристика Лаптева, оставшаяся незаконченной и отброшенная в беловом тексте, – возможно, по цензурным соображениям, так как в ней содержались намеки на участие Лаптева в революционном движении: «Кстати сказать здесь, что разговоры наши имели несколько своеобразный характер. Лаптев принадлежал к числу тех в настоящее время довольно часто встречающихся молодых людей, у которого, кажется, решительно нет и признаков так называемой личной жизни, личных интересов, если понимать под этими выражениями ту более или менее «честную чичиковщину», которую влачили мы, большинство, примериваясь к будничной действительности и примеривая ее к себе из чувства самосохранения и личного удобства... Никакой так называемой «своей» заботы не слышалось решительно ни в одном слове Лаптева, но зато в разговоре его не было почти слова, которое не касалось бы общественных вопросов, общественных забот, общественных нужд. Мысль и забота «о чужом» до такой...» (на этом рукопись обрывается).

стоте сердечной полагал, что все это одно только жалкое недоразумение. Не раз мне хотелось сказать: «Безумные, опомнитесь! Ведь вы себя же губите», и т. д. Но потом я убедился, что именно *себя-то* и не губит обыватель, что именно на всех путях своих он только себя одного и помнит... Как же, свалки! Недоразумение!.. Вот я сегодня читал в какой-то газетке «сцены на Нижегородской ярмарке». Изображены купцы, трактиры, арфистки и вообще всякое безобразие. Люди жрут, пьют, врут бог знает что, как сумасшедшие... В простоте сердечной, пожалуй, подумаешь, что и в самом деле люди эти только безобразничают, а посмотрели бы, как они обделывают дела в то же время. Посмотрели бы, как они в то же время «под гитару» обрабатывают каких-нибудь каракалпаков на ситчике... Нет, обыватель отлично понимает свою часть! Вот почитайте, пожалуйста, тут у меня есть лоскутик из газет... (Лаптев вынул из бокового кармана памятную книжку, битком набитую всевозможными газетными заметками и записками. Кстати сказать, с этой книжкой он почти не расставался и поминутно, в подтверждение своих слов, вытаскивал из нее какой-нибудь писанный или печатный документ.) Вот... Да я вам сам прочитаю... Дело идет об убийстве одного больного² в больнице для умалишенных. Вот... «Били Орлова добрых полчаса. Когда Кудрявцев устал бить и просил помощи, то послал за Филимоном. Этот субъект прежде всего (знает, с чего начинать следует!) дакнул Орлова коленкой в грудь, дал по шее и потом дал в бок раз пять с размаху... Смотритель стоял и говорил: «Прибавь», но сам не бил». Итак, видите, позвали, «кликнули» Филимона, сказали: «бей» – и Филимон немедленно приступил к исполнению приказания. Сначала в грудь, потом по шее и, наконец, в бок... Во-первых, во-вторых и в-третьих – все по пунктам... Что же это за стенобитное орудие? Что это такое: машина или человек?.. Оказывается, что человек, который к тому же поступал совершенно сознательно, и вот, полюбопытствуйте, выставляет в свое оправдание уважительную причину... Вот тут сказано: «В свою защиту Филимон ссылаясь на то, что он семейный человек, имеет при больнице казенную квартиру, дорожит местом и исполняет, что приказано...» Существует, стало быть, двигатель, и, как видите, весьма сильный – семейство, фатера!.. Подумайте только, каково это семейство, какова эта семейная святыня, где можно спокойно чувствовать себя, совершив поистине злодейское избиение кроткого, шутиwego (так сказано в стенографическом отчете процесса) человека!.. В том же самом Рыбинске, где происходит это безобразие, ломовой извозчик иногда вырабатывает в день по двенадцати рублей. Ведь есть же, стало быть, возможность не особенно пугаться того, что если и не исполнишь жестокого приказания, то без хлеба будешь... Но для этого надо хоть чуть-чуть думать не о себе, хоть на вершок видеть дальше своего носа... А этого-то и нет в громадном большинстве, в самом, так сказать, фундаменте обывательского общества... Да пусть бы это обывательское «я» было хоть сколько-нибудь разработано, в чем-нибудь выражалось, приняло бы какие-нибудь хотя мало-мальски достойные уважения формы – и того нет... Семейство, фатера!.. Войдите туда, ведь там ничего нет! Разве был за последние двадцать лет хоть единый мало-мальски яркий, внушительный случай, чтоб обыватель, ссылающийся в своих опустошительных набегах на отечество, на свою любовь к семейному очагу, вступился бы искренно хотя бы, например, за своих собственных детей? Ведь он нигде не пикнул – ни в думе, ни в земстве, не отправил ни одной депутации, как отправляет теперь с просьбою «запретить нам пьянствовать!..» Одного этого уже достаточно для того, чтобы представить себе, как мало какого бы то ни было нравственного содержания в его «фатере»... И все-таки, если вы попытаетесь потревожить его в этом пустом обиталище, он, не задумываясь, защитит себя... сначала в грудь, потом в бок, потом по шее...

² Дело идет об убийстве одного больного... – Убийство душевнобольного Орлова в Мышкинской земской больнице рассматривалось в Рыбинском окружном суде 8 сентября 1881 года. Организатором истязания Орлова был смотритель больницы Приоров, исполнявший одновременно должность секретаря земской управы.

Я попробовал было возразить Лаптеву, сказав, что случай, на котором он основывает свое мнение об обывательском бессердечии, есть случай исключительный, что виновники его понесли достойное наказание и что, наконец, бессердечие и видимая каменность обывателя имеют своим основанием и другие уважительные причины, не зависящие от обывателя; но Лаптев даже и не ответил мне – точно он не слышал меня – и упорно продолжал порицать обывателя.

– Пуще всего обыватель боится каких бы то ни было нравственных обязательств, нравственных жертв. Все, что не касается лично его благополучия, все, что хоть на вершок раздвигает его до безобразия узкое мирозерцание, – все это пугает его, все это он гонит прочь; он боится нравственной борьбы, он совершенно непривычен к малейшим тревогам из-за каких бы то ни было забот, не касающихся его, а тем паче таких, ради которых он в самом деле должен чем-нибудь пожертвовать.

Опять я возразил Лаптеву и возразил довольно резко, но он не слышал меня, мотал отрицательно головой и продолжал:

– Нет, нет, не говорите! Никакая жестокость, никакая несправедливость не может совершиться, если для этого не будет обывательского содействия... Аракчеев – русский тип. Посмотрите, какую кроткой овечкой разъезжал он за границей и каким оказался по возвращении в отечество... В отечестве у него есть почва, содействие, помощь – все, что нужно. Буря, холера валит у нас эти колоссы, а без этих стихийных пособий обывательская среда, неизвестно еще, быть может и по сей день поставляла бы помощников и пособников. Нет, надо когда-нибудь и обывателю почувствовать себя виноватым. А то скажите пожалуйста, выдумали за все и про все отвешивать перед ним низкие поклоны... Он – кроткая овца, а его «заставляют»... Его вон и пьянствовать будто бы заставляют, и он перестать не может до тех пор, покуда ему не запретят... Депутация едет... Зачем? – «Позвольте нам перестать пить! Запретите, ваше благородие, нам пить! Взыщите с нас, а то мы сопьемся с кругу!..» Бедняжки!..

Я уж не возражал Лаптеву, так как видел, что он недоступен, никаким возражениям, что «жестокость», о которой он постоянно говорил, своего рода пункт помешательства, и потому еще, что нельзя было не заметить в нем сильного нервного расстройства. Говоря последние фразы, он как-то вдруг осунулся, побледнел, и губы его стали тонки и белы.

– Овца на заклании... Нечего сказать, похожа... А кто пропитал этим «фатерным» элементом, этим фатерным смрадом все, что носило за последние годы какую-либо видимость общественного дела, кто?.. Кто сумел обездушить все общественные учреждения, кто изъясил из них всякую тень мысли, кто оставил от этих учреждений одни ободранные голые стены?.. И кто, наконец, с такою кропотливостью работал над тем, чтобы с корнем раздавить малейшую попытку дать этим делам душу живу?.. Ведь если бы пришлось характеризовать в коротких словах недавнее прошлое, так его нельзя иначе определить, как временем опустошения общественных забот и тщательнейшим изъятием из общества тех людей, которые хоть единым словом пытались заикнуться *в самом деле* об этих заботах. Везде, где только должна была работать мысль о ближнем, – везде, где требовалась искренность, жертва, правда, – везде обыватель утвердил фатерный элемент, поставил дело на нуль, опустошил и за беспокойство отомстил без пощады... Посмотрите-ка хладнокровно, кто остался победителем? – Обыватель! Кто натащил всюду навозу, сору, тупости и глупости?.. Кто во имя этих «фатерных» элементов сокрушал ребра ненавистникам? – Все бумага... Да ведь бумага-то приходила по желанию обывателя! Сначала обыватель возропщит и доложит, а потом уж и бумага следует...

Говоря это, Лаптев проворно перебирал листки своей памятной книжки, отыскал какую-то длинную газетную вырезку и, держа ее в руках, сказал:

– Как так «не обыватель»? Вы, я думаю, читаете же, что пишут, и поминутно, на каждом шагу оказывается, что везде, где следовало стоять общественному делу, обыватель устроил червивую компостную яму... Вот, не хотите ли, я вам прочитаю маленький эпизодик. Тут и я

участвовал... Эпизод самый обыкновенный – на каждом шагу такие эпизоды были, и есть, и будут... Тут окажутся и правые и виноватые... Словом, все – как обыкновенно. Слушайте!

Лаптев приготовился было читать, и вдруг лицо его, до сей минуты суровое и даже гневное, озарилось мягкой и добродушной улыбкой.

– А знаете, ведь прелюбопытное существо этот обыватель-опустошитель!.. Повидимому, он только и делает, что приспосабливается к обстоятельствам, извивается ужом. Но разберите его хорошенько, и вы удивитесь тому мастерству, с которым он эти самые обстоятельства приспособляет к себе... Какой он мастер оставлять в дураках тех, кому повидимому он покоряется и беспрекословно повинует!.. Это такая прелесть – на охотника... Да вот слушайте.

Лаптев взялся за листок.

– Повторяю, эпизод самый обыкновенный – миллионы раз у всех этикие эпизоды были под глазами... Но необходимо для полноты картины прочесть все по порядку: «В ознаменование события (имя рек) Посусаловская городская дума в экстренном собрании гг. гласных постановила: отчислив из таких-то и таких-то сумм 8.500 руб. и присовокупив хранящиеся в государственном банке, пожертвованные в 1826 г. купцом Маслянниковым, 19.736 руб. 3 1/2 коп., а равным образом отчисляя из городских доходов 2.633 р. 4 к., открыть в г. Посусалове ремесленное училище на тридцать человек, преимущественно для сирот и детей беднейших родителей, и ходатайствовать пред правительством о даровании означенному училищу относительно воинской повинности права училищ 2-го разряда. Постановлено также приобрести покупкою купца Ерыгина дом с мезонином, на каменном фундаменте, находящийся городской части, 3 кварт., по Спасово-Спасскому переулку, и приспособить его для помещения училища, то есть классных комнат, мастерских, спален и лазарета на 5 кроватей. При этом гласный Кнутовищев, имеющий в городе одну из лучших мебельных мастерских и сам вышедший из беднейшего класса, изъявил желание *безвозмездно* преподавать ученикам уроки столярного ремесла. Благой пример не остался без подражания. По примеру Кнутовищева гласный Окаятный, имеющий в городе каретное заведение, и гласный Маломальчиков, славящийся образцовыми сапожными изделиями, также без всякого вознаграждения пожелали преподавать уроки сапожного и кузнечного ремесл, а священник Иоанн Лейденский изъявил согласие на преподавание закона божия за умеренную плату. По доведении о сем до сведения...» Ну и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.